

Людмила Ивановна Журова

К вопросу об истории текста Нижегородско-Парижского собрания сочинений Максима Грека (Paris, Man. Slave 123)

В 2014 г. вышел долгожданный второй том собрания сочинений Максима Грека, подготовленный под редакцией Н.В. Сеницыной (Сеницына 2014). В него вошли 47 глав Иоасафовского собрания, составленного при жизни писателя (далее: Издание). Самым важным результатом многолетних исследований крупного специалиста в максимогрековедении стали введение в научный оборот большого числа рукописных источников, связанных с творчеством Святогорца, и классификация его разнообразных трудов. Введенная московским ученым методика изучения рукописного наследия публициста позволила представить его творчество в системном измерении. Но во вступительной статье к Изданию Н.В. Сеницына отказалась от результатов своих более ранних исследований и не признала результатов текстологического анализа репрезентативного ряда произведений писателя, проведенного мною (Журова, 2008). Причина такой смены концепции находится в истории изучения Нижегородско-Парижского собрания сочинений Максима Грека в 112-113 глав (далее: НПС). Оно представлено двумя рукописями, одна из них хранится сейчас в Парижской Национальной библиотеке – Paris, Man. Slave 123 (далее: Slave 123 или Λ), другая: Москва, ГИМ, Синодальное собрание, № 491 (далее: Син 491 или С). Оба манускрипта датируются концом XVI в. Н.В. Сеницына во вступительной статье отнесла архетип этого собрания к раннему этапу составления собраний сочинений Максима Грека, определила его как “контрольный” по отношению к прижизненным собраниям – Иоасафовскому: Москва, РГБ, ф. 173, № 42, конец 40-х–начало 50-х гг. XVI в. (далее: МДА 42 или И); Хлудовскому, представленному двумя рукописями: Москва, ГИМ, собр. Хлудова, № 73, 1563 г. (далее: Хлуд 73 или Х) и РГБ, ф. 37, № 285, конец 40-х–начало 50-х гг. XVI в. (далее: Большой 285 или Х), Румянцевскому: Москва, РГБ, ф. 256, № 264, начало 50-х гг. XVI в. (далее: Рум 264 или Р). Во *Введении* к Изданию исследователь определила особенности НПС, которое:

сохранило элементы рукописной традиции, предшествующей прижизненным собраниям, а именно, очень многие следы, остатки чтения Архетипа, которые были утрачены к моменту появления систематизированных собраний или в ходе их формирования (конец 40-х–начало 50-х гг. XVI в.) (Сеницына 2014: 11).

Свою вступительную статью о творчестве Максима Грека 30–50-х гг. XVI в. исследователь заключила так (Синицына 2014: 45):

Вопрос о взаимоотношениях прижизненных собраний И, X, P отходит на второй план, выдвигается задача изучения более раннего этапа, сохранившегося частично в реальных рукописях – Нижегородско-Парижской и Синодальной, тоже отражающих авторский архив. Становится всё более очевидным, что связи между собраниями развивались не по вертикали, а по горизонтали, т.е. параллельно. Изложенные наблюдения отличаются и от предварительных выводов, сделанных мною более 30 лет назад, в 1977 г., на основе макротекстологии, и от выводов Л.И. Журовой на основе традиционной текстологии.

В настоящей статье сделана попытка осмыслить предложенную Н.В. Синицыной концепцию, проверив некоторые её положения на основе текстологического анализа ряда глав НПС. Безусловно, Slave 123 необходимо рассмотреть с более широким охватом памятников книжной культуры, чем контекст прижизненных кодексов, а именно, в окружении сводов сочинений Максима Грека, сформированных в конце XVI-начале XVII вв. К исследованию привлечены тексты собрания Ионы Думина, Соловецкого, Собрания до 1587 г., Рогожского, Троицкого, Полного, Торжокской рукописи, Поморского собрания¹.

Вначале хочется заметить, что о параллельном развитии рукописной традиции собраний сочинений Максима Грека Н.В. Синицына писала в своей известной монографии еще в 1977 г. (Синицына 1977: 186). Изучение истории репрезентативного ряда произведений, находящихся в составе всех трех прижизненных сводов (И, X, P), подтвердило этот вывод: формирование, развитие рукописной традиции Иоасафовского и Хлудовского собраний шло независимо друг от друга (Журова 2008: 481-483). Следовательно, отказываться от полученных результатов, на мой взгляд, пока не стоит. Другое дело, что история кодексов Максима Грека в книжной культуре конца XVI-начала XVII в. изучена слабо. Решение этой крупной проблемы требует усилий нескольких исследователей. Известен опыт изучения Музейного собрания, представленный в кандидатской диссертации В.Ю. Крутецкого, написанной под научным руководством Н.В. Синицыной. Исследователь, в частности, пришел к выво-

¹ Рукописи собраний, привлеченных к настоящему анализу: *Собрание Ионы Думина* – Москва, РГБ, ф. 98, № 869; *Соловецкое собрание* – Санкт-Петербург, РНБ, Соловецкое собр. № 494/513; *Собрание до 1587 г.* – Санкт-Петербург, РНБ. Ф.1.250; *Рогожское собрание* – Санкт-Петербург, РНБ, собр. Погодина, № 1141, Москва, РГБ, ф. 37, № 16; *Троицкое собрание* – Москва, РГБ, ф. 304, № 200; *Полное собрание* – Москва, РГБ, ф. 304, № 201; *Торжокская рукопись* – Торжок, ВИЭМ, КОФ-1204, *Поморское собрание* – Новосибирск, ГПНТБ СО РАН. ОР. Собр. Тихомирова. № 271; *Сборник* – Санкт-Петербург, РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 4025. Все цитаты сочинений Максима Грека приведены по рукописям, но примеры для Slave 123 взяты из Издания, в некоторых случаях учтено самостоятельное издание рукописи (Бычкова и др. 2009).

ду о параллельности процессов в создании выделенных Н.В. Сеницыной двух видов собрания Ионы Думина (Соловецко-Рогожского и Соловецко-Большаковского, см. Крутецкий 2006: 24). В богатой, обширной, сложной рукописной традиции трудов Максима Грека (как отдельных сочинений, так и сводов) можно видеть как синтагматические, так и парадигматические отношения, которые коррелируются. Определить в них положение Нижегородско-Парижского собрания – перспективная задача. В настоящей статье изложены некоторые результаты анализа отдельных глав, которые позволяют, надеюсь, наметить пути дальнейшего изучения памятника.

1. Глоссы

В истории средневекового сочинения, представленного множеством списков, необходимо искать телеологический смысл истории текста. Чтобы объяснить, с какой целью совершаются в нём те или иные изменения, нужно оговорить некоторые понятия. В формировании семантики сочинения немалую роль играют такие элементы, как текст строки, надписания заголовков, авторская и редакторская правка, вставки на полях, глоссы и маргиналии. Все это – единицы текста, как родовой категории, отражающие рукописную историю средневекового памятника. Они иерархически организованы и находятся на разных уровнях морфологии листа, где видна работа писца, автора, редактора. Глоссарий – уникальное явление авторского текста Максима Грека, которое наблюдаем в традиции ранних сочинений писателя (Журова 2008: 78-81).

Н.В. Сеницыной самое большое внимание в изучении Иоасафовского собрания писателя уделено глоссам парижской рукописи. Им отдано приоритетное положение в определении отношений между собраниями:

Наличие в Л и С ‘лишних’ глосс [...] свидетельствует о том, – пишет исследователь, – что здесь сохранилась рукописная традиция, предшествующая тому этапу, который отразился в прижизненных собраниях (Сеницына 2014: 36).

Количество глосс стало основным критерием определения первичности текста, поскольку Н.В. Сеницына считала их авторскими. Лексикографы выявили многие причины постановки глосс в русских рукописных сборниках. Л.С. Ковтун установила, что “писаны они переводчиками, справщиками и копиистами, и многие из них предназначены не только для читателей рукописных книг, а имели профессиональный интерес” (Ковтун 1977: 8). Первый Азбуковник создавался в Троице-Сергиевом монастыре под влиянием Максима Грека, сочинения которого стали одним из его источников (Ковтун 1988: 12). Теме глосс в *Slave 123* посвящена интересная статья М. Гардзанити (2019).

Поскольку записи на полях средневековых рукописей имели разную функциональность, то для корректности статистического анализа необходимо обратить внимание на их классификацию, принятую в книжной культуре XVI в. Глосса – запись,

исполняющая в первую очередь роль толкования слова или выражения, она может представлять (предлагать) вариант чтения, но обязательно связана со смыслом текста и выделяет его значение, следовательно, связана с памятью. Маргиналия – запись на полях, выполняющая функцию комментария текста, она, как правило, передает мнение, оценку читателя (читателем может быть сам автор) и составляет затекстовую информацию. Вставки – это восполненные пропуски или дополнения, представляющие собой новый текст. Все эти вспомогательные филологические средства книжники использовали для решения своих творческих задач. С учетом такого разделения понятий можно внести поправки в количественную характеристику глосс сборника Slave 123.

Парижская рукопись, безусловно, интересна своим глоссарием. В комментариях к главам Иоасафовского собрания Н.В. Сеницына справедливо уделила маргинальным записям большое внимание, отметив при этом неравномерность распределения глосс по главам в Slave 123 (Сеницына 2014: 36). Так, в МДА 42 наибольшим числом глосс отличается *Слово похвальное къ святымъ апостоламъ Петру и Павлу...* Глоссарий Хлудовского собрания во многом повторился в Slave 123. В НПС, согласно приведенной в Издании статистике, большинство глосс обнаружено в 14-й и 15-й главах², посвященных нравственному богословию и антиастрологической полемике. Тема о звездочетцах могла спровоцировать появление глосс в этих главах (в Азбуковниках ей посвящено несколько словарных статей). Если учесть, что другие противоастрологические трактаты Максима Грека (ранние послания Федору Карпову, 36 и 37 главы Иоасафовского собрания³) глоссария не имеют, в том числе в списках НПС, то можно заключить, что редактирование глав в протографе Slave 123 шло выборочно и, видимо, при участии троицких книжников, составлявших первый Азбуковник, использовавших сочинения Максима Грека. В списках НПС некоторых глосс и маргиналий, сохранившихся в прижизненных собраниях, вовсе не обнаружено. На основании этих данных считать глоссы абсолютным критерием для определения архетипа, видимо, нельзя. Состав НПС смешанный, вероятно, он формировался из архива писателя, который находился в Троице-Сергиевом монастыре, последнем пристанище Максима Грека.

Если пересмотреть список из одиннадцати ‘дополнительных глосс’ в тексте *Бесѣды Души и Ума* (глава 14) по списку Slave 123 (их нет в МДА 42), приведенных Н.В. Сеницыной (2014: 38), то можно отметить следующее. Несколько записей на полях парижской рукописи следует расценить как вставки и варианты чтения. Две глоссы известны в прижизненном Хлудовском собрании (№ 3, 8, по списку Н.В. Си-

² *Бесѣда Души и Уму по вопросу и отвѣту, о еже откуда старости ражаются въ них, в том же и о божественѣмъ Промыслѣ и на звѣздочетцах* (глава 14); *Словеса душеполезна зѣло внимающимъ ихъ, бесѣдуетъ Умъ къ Души своєї, в томъ же и на лихоимство* (глава 15).

³ *Слово поучительно, вкупѣ же и обличительно прелести звѣздочестѣи, утѣшительно живущимъ въ скръбѣхъ* (глава 36), *Послание къ нѣкоему иноку, бывшу въ игуменѣхъ, о немецкой прелести, глаголемѣи фортуны, и о колесѣ ея* (глава 37).

ничиной). Собственно оригинальных глосс в Slave 123 всего три (№ 1, 6, 9). Глосса (№ 1): “толк: Петра глаголет апостола” к фразе “Божия проповѣдника”, – безусловно, принадлежит редактору рукописи, на это указывает слово “глаголет”, т.е. “глаголет автор”. Толкования слов “родословцы”, “гагрѣна”, “иктер”, вероятнее всего, связаны в историей Азбуковника. Русская лексема “родословцы” в Slave 123 толкуется через греческое слово: “Толк: сиа родословци, по гречески генефлиаологи, звѣздоблюстителѣи суть, иже по звѣздам, зодием, рожения человѣка скажут” (Синицына 2014: 163). Л.С. Ковтун (1977: 48) отметила: “Слова *родословцы*, *родословие* служат в Азбуковниках переводом греческих *генефлиаологи*”. Синтаксис фраз: “иктер болѣзнь есть, егда печень недугует и очи жолгѣют и все лице человѣче”, “гагрена проказа есть зѣбиша и неисцѣлана, даже до кости плоть изъядающе” – напоминает формат словарных статей. Вероятно, здесь нужно видеть творчество русских книжников во времена “движения по составлению Азбуковников” (Ковтун 1988: 10).

Библейская цитата (Пс 88: 32-33), приведенная в качестве комментария к фразе: “аще не по святым Его заповѣдемъ ходим” (л. 165⁴), могла быть вписана по иницитиве редактора рукописи. В то же время, в Slave 123 не оказалось маргиналии, указывающей на слова Иоанна Дамаскина (л. 157 об.). Нет примечательной маргиналии: “Богословием разумѣи дарованое нам самовластие”, которая в МДА 42 комментирует фразу (авторская правка здесь и далее выделена *старославянским шрифтом*): “нашего же вѣдуше благославѣи, еже от Бога получихом” (л. 170 об.), в ней почерком Максима Грека вписан союз “еже”, в Хлуд 73 видим вариант “егоже”. По содержанию маргиналия может быть расценена как реплика автора, редактировавшего текст в присутствии писца, который ее и зафиксировал. Эту же запись находим на поле основной рукописи Троицкого собрания, и союз “егоже” здесь исправлен книжником на “еже” (Москва, РГБ, ф. 304, № 200, л. 65, далее: ТСЛ 200).

Троицкое собрание – один из интересных и сложных проектов русских книжников, к сожалению, практически не исследованный. Его яркой особенностью является многочисленная и многослойная правка. На основе текстологического изучения установлено, что рукописная традиция свода связана с Хлудовским собранием. Но на каком-то этапе своего бытования рукопись была сверена с другим источником, и, как показывает анализ, этот источник близок, видимо, к протографу Slave 123. Многие тексты ТСЛ 200 представляют собой два списка: один основной (типа Хлудовского), другой представлен исправлениями, он как бы наложен поверх основного и отражает иной вариант сочинения. Троицкий редактор сделал тщательную сверку, провел текстологическую работу, отметив киноварью пропуски, вставки, исправив отдельные написания. И эта правка указывает на пересечения исправленного текста ТСЛ 200 с протографом Slave 123. Например, в той же *Беседе Души и Ума*:

⁴ Текст сочинений Максима Грека цитируется по рукописи МДА 42, далее листы указываются в круглых скобках.

МДА 42	Хлуд 73	Slave 123	ТСЛ 200
забывающе окааннѣ бо- жественныя славы (л. 153 об.)	забывающе, увы, бо- жественныя славы	забывающе окааннѣ божественныя славы	забывающе, увы, боже- ственныя славы
		<i>на поле вписано: увы.</i>	<i>на поле вписано: ока- анне (л. 51 об.).</i>
аще убо село настоя- щая жизнь (л. 158)	аще убо село съи мирѣ	аще убо село настоя- щая жизнь	аще убо село съи мирѣ
		<i>на поле вписано: съи мирѣ.</i>	<i>на поле вписано: насто- ящая жизнь (л. 55).</i>

Разночтения редактор ТСЛ 200 поместил киноварными знаками над словами:

МДА 42, Хл 73	Slave 123	ТСЛ 200
ниже да к тому подвижатися (л. 170 об.)	да непшущем, ниже да к тому подвижатися	да непшущем, ниже да к тѣмъ подвижатися (л. 65)
	<i>на поле вписано к тем со зна- ком замены к выражению к тому.</i>	<i>над словами к тѣмъ киноварью вписано к тому.</i>
		<i>над словами да непшущем поста- влены киноварные знаки, ука- зывающие на разночтение.</i>

Как видим, книжник Троице-Сергиева монастыря, безусловно, держал перед глазами текст, инвариантный протографу Slave 123. Но нет оснований считать его более ранним, нежели протограф прижизненных собраний. ‘Дополнительные’, ‘лишние’ глоссы могут принадлежать творчеству редакторов рукописей, и количественный критерий не является безусловным в определении первоначального этапа истории текста Максима Грека.

Одним из важных моментов в складывании глоссария рассматривается случай, когда текст с поля переносится в строку и составляет двойную, парную глоссу. Такая конструкция – примета вторичной редакции текстов⁵. В составе НПС *Сказание о крестном знамени* содержит такие примеры. Так, в прижизненных списках МДА 42 и МДА 138 читается фраза: “безсѣменное зачатие Его и девятомѣсячное вселение явьственѣ възвѣщаемъ” (л. 315). В МДА 138 писец (может быть, по указанию Максима Грека) вписывает на поле к слову “вселение” глоссу – “обитание”. Семантика обеих

⁵ В истории ранних посланий Максима Грека подобные примеры находим в уникальной рукописи Санкт-Петербург, РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 4025, конец XVI в., л. 234 об.-253.

лексических единиц сходится в значении – ‘пребывание’, ‘жительство’ (Срезневский 1989, II: 510). Но “вселение” имеет коннотацию – ‘водворение’, поэтому в контексте “девятомѣсячное” чтение “обитание” точнее по смыслу. Этим нюансом, видимо, обусловлено появление толкования. Вариант МДА 42 (“вселение”) сохранился в списках собрания Ионы Думина и Полного собрания (в 151 главу); чтение “обитание” вошло в текст многих собраний: Хлудовского, Соловецкого, Собрания до 1587 г., Троицкого, Поморского и др.⁶ Только в НПС произошло совмещение двух чтений: “девятомѣсячное обитание вселение”, причем в Синодальном своде слова соединены союзом “и”, который вписан над строкой почерком неосновного писца (“обитание и вселение”).

На закономерность такого редактирования в НПС указывает второй случай. Так, во фразе, читающейся в Иоасафовском собрании как “хотящии изнестися горькы отвѣт онъ от праведных” (л. 315 об.), в списке МДА 138 к слову “отвѣт” сделана глосса – “суд”. Речь идет о толковании жеста: “обвожением еже оттуду вся руки на десную и лѣвую страну”, что означает – вынести твердое решение (“ответ”, “суд”) праведных (“стоящих одесную Судии”) о грешных (“стоящих ошую Судии”). Понятие “суд” имеет однозначный смысл – “приговор”, тогда как слово “отвѣт” полисемантическо⁷. В этом может быть причина замены одной лексики на другую.

В собрании Ионы Думина сохранилось чтение МДА 42 – “отвѣт”. В Хлудовском кодексе и собраниях конца XVI-начала XVII вв. видим вариант: “горькы суд онъ от праведных”. В списках Slave 123 и Син 491 находим чтение: “горькы отвѣт суд онъ от праведных”, причем опять в Син 491 эти два слова соединены союзом “и”, вписанным над строкой почерком неосновного писца, что свидетельствует о восприятии их редактором синодальной рукописи как однородных членов предложения. Подобные примеры известны и в других главах НПС, например, в главе 26-й (*Слово о нестроениях и бесчиниях царей*). Практика внесения глоссы в строку и совмещение ее с основным словом есть доказательство вторичности текста, поскольку глосса была расценена книжником как вставка, что нарушило замысел автора. Следовательно, и по этим наблюдениям протограф НПС, видимо, нельзя считать более ранним по отношению к протографу Иоасафовского и Хлудовского собраний.

Примечательна история единственной глоссы в *Сказании о крестном знамени*. Рассуждая об ангелах, “не съхраншимъ чинъ свои, но помыслиша противитися всѣх Съдѣтелю и Владыцѣ”, Максим Грек пишет: “Сии же суть купно съ Еосфором, сирѣчь Деньницею, разгрѣдѣвшеися аггели, иже нынѣ именуемии лукавии бѣси” (л. 315 об.–316). В рукописи МДА 138 сделана правка почерком Максима Грека: в глаголе “противитися” (л. 204, строка 4 сн.) буквы “ти” и в имени собственном “Еосфором”

⁶ В основной рукописи Хлудовского собрания – Москва, РГБ, ф. 37, № 285 – текста *Сказания о крестном знамени* нет из-за утраты листов, поэтому в настоящий анализ включен список Москва, ГИМ, Синодальное собр., № 919, лл. 215 об.-218 об.

⁷ Это может быть: известие, указание, оправдание, отрицание, противоречие (Срезневский 1989, II: 780).

первая буква “о” (МДА 138, л. 204, 3 сн.) вписаны рукой автора. В МДА 42 тоже первая буква “о” вписана над строкой почерком неосновного писца (л. 316, строка 1 св.). Написание “Ессофором”⁸ в Slave 123 и Син 491, видимо, указывает на ошибку в архетипе сочинения, которая была исправлена в списках Иоасафовского собрания. На нижнем поле этого же л. 204 в МДА 138 почерком неосновного писца вписана глосса (первая часть выведена киноварью): “Еосфоръ толкуетца Свѣтоносець, сице имену-ет Писание сатану прежде отпадения его”. На каком этапе истории текста появляется эта глосса на нижнем поле, выполненная неосновным писцом, наверняка сказать трудно. Авторский перевод древнегреческого названия утренней звезды на русский язык дано в тексте – это “Денница”. Глосса представляет интерпретацию мифологического образа с позиции библейского богословия⁹. Может быть, она была вписана по указанию Максима Грека; но скорее всего, русский книжник сам составил толкование, на это указывает морфология слова “Свѣтоносець” и его рукописная история. Так, в МДА 42, собрании Ионы Думина, в Slave 123 и Син 491, Троицком собрании этой глоссы нет. Она сохранилась в Соловецком собрании и в Торжокской рукописи, представляющей собой разновидность Хлудовского собрания.

Список *Сказания о крестном знамени* в Соловецком собрании отличается уникальными глоссами. Так, в предложении: “Съвокуплением бо триехъ пръстеи, сирѣчь палца, и еже от средняго и малаго, таину исповѣдуемъ” над словами “палца, и еже от средняго и малаго” – поставлены киноварные знаки глоссы, на нижнем поле вписано под теми же знаками почерком неосновного писца: “антихира и парамеса, сирѣчь безименникъ”. Во фразе “Протяжением же длъгаго и средняго” над словом “длъгаго” поставлены киноварные знаки глоссы, на левом поле вписано почерком неосновного писца: “лихана, сирѣчь ожегъ”¹⁰. Глоссы примечательны тем, что они представляют собой переводы русских слов на греческий язык, которые при этом сопровождаются толкованием на русском языке (“сирѣчь безименникъ”, “сирѣчь ожегъ”). Русские эквиваленты к греческим словам могут указывать на самодеятельность книжников. В практике письменной речи Максима Грека подобные двухуровневые конструкции (русское слово-греческое-русское) не встречались. Ряд глосс содержит также Поморское собрание. Известно, что глоссирование в книжной культуре Руси начало развиваться под влиянием творчества афонского монаха. В Нижегородско-Парижском собрании можно видеть инициативу писцов и редакторов в составлении некоторых глосс и маргиналий, которые, скорее всего, отражают читательское восприятие авторского текста.

Во многих случаях к греческим словам комментарии на полях рукописей отсутствуют. Так, в *Сказании о иже свыше миръ...* (глава 30 Иоасафовского собрания)

⁸ В Издании передано именно такое написание.

⁹ Еосфор (Геспер) – персонаж греческой мифологии (в римской мифологии – Люцифер), в христианстве ставший символом падшего ангела. Максим Грек подчеркнул значение этого образа – “лукавые бесы”.

¹⁰ ожегъ – кочерга, это образное выражение, хорошо известное русским книжникам.

к выражению “ипертись анофень иринись” (л. 303) глоссы нет ни в одном списке, а в Slave 123 оно воспризведено неточно; во втором послании Ф.И. Карпову против предсказательной астрологии нет перевода слова “еггастримифий”, но, как правило, в основном тексте, в строке, дано его толкование Максимом Греком: “сирѣчь ко отвѣщающе и бѣсом во чревѣ носимом” (Синицына 2008: 328); в *Послании о фортуне* нет глоссы к слову “имарменин” во фразе, правленной в Больш 285 рукой Максима Грека: “тихинь¹¹ и имарменинь обыкошя нарицати”; в *Слове на Альманака* нет толкования слова “идрохои” (“снитиємъ планит и зодиев еже въ идрохоѣ быти”¹²). Такие примеры нередки.

Оригинальным чтением стало выражение, отсутствующее в МДА 42 и Больш 285, но вставленное в Издании по списку Slave 123 (выделено курсивом): “Посмотрим же сице. *Се исполнися Исаино проречение, Дѣва бо родила есть, и по Рождествѣ [...] Дѣвою пребысть*” (л. 304 об.). По своей конструкции эта вставка с указательным местоимением “се” похожа на маргиналию. По контексту (Максим Грек ведет речь о православном богословии) она не вписывается в логику повествования. По своему содержанию фраза не совсем совпадает со смыслом авторской речи, поскольку Максим Грек рассуждает о сохранении “дѣвства”, а библейская цитата пророчествует рождение Девой Сына: “се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил” (Ис 7:14). Вероятно, на каком-то этапе рукописной истории Нижегородско-Парижского свода маргиналия была внесена в текст *Сказания*. Подобные включения в Slave 123 свидетельствуют о существовании еще одного этапа редактирования в рукописной традиции сочинений Максима Грека и указывают на вторичность текста НПС.

2. Вставки и пропуски

Интересную текстологическую картину в НПС представляют вставки и пропуски. Пропусков довольно много, и они носят, как правило, механический характер. Так, в тексте 27-й главы *Словцо къ смеющим трижды глаголати ‘аллилуиа’* в сборнике Slav 123 установлен ряд таких лакун по сравнению с текстом Иоасафовского и Хлудовского собраний (пропуски выделены курсивом): “али мало нам клятв” вместо “али мало нам *видитя прегрѣшение и осужение, еже паче устава и страшных клятв*”, “*пьюще нелестное млеко непорочных невѣсты* небесного Жениха” и многие другие. Но надо сказать, что пропуски являются неизбежной практикой рукописного труда, и они, конечно, есть в списках Иоасафовского и Хлудовского собраний, поэтому полные чтения в НПС, видимо, не могут служить бесспорным доказательством его архетипичной природы.

¹¹ На поле рукописи Больш 285, л. 141 основным почерком вписана глосса счастье.

¹² Санкт-Петербург, РГИА, ф. 834, оп. 3, л. 4025, л. 114 об.

В истории текста, конечно, больше всего внимание привлекают уникальные вставки. Пример тому находим в заключительной части 11-й главы Иоасафовского собрания – *Слово отвещательно об исправлении книг русских*. В ней содержится обращение Максима Грека к “благовернейшим и славнейшим князьям и боярам” (а не к Ивану IV, как в других сочинениях) с просьбой о возвращении в родной Ватопед. Святогорец признается, что молится за них и за самодержца великого князя Ивана Васильевича, и заводит речь о своем желании вернуться на Афон. В списке Slave 123 прошение отличается большей полнотой, чем в других собраниях:

МДА 42, МДА 138, Хлуд 73, ТСА 200	Slave 123
даруйте мнѣ, молю ваше благовѣрие, еже въ Святую Гору възвращение (л. 130)	даруйте мнѣ, молю ваше благовѣрие, аще не потребень ктому вам есмь здѣ, еже въ Святую Гору възвращение
Ни въ что же прочее азъ потребень есмь вам (л. 130 об.)	Ни въ что же прочее азъ потребень есмь вам. Аще же потребень еще вам есмь, воля Божия да ваша будет, не противляюся велением вашим. Аще же не потребень аз есмь, покажите милость

Мотив ‘непотребности’ в НПС, как видим, повторен трижды. Чтобы определить происхождение фразы “аще же не потребень аз есмь” в Slave 123, рассмотрим кратко историю этой просьбы Максима Грека в составе ряда сочинений. Так, в *Главах поучительных начальствующему на земли* (1547 г.) Святогорец, видимо, еще не решился обратиться к молодому Московскому князю Ивану Васильевичу с заветной мечтой. Послание заканчивается только рассуждениями о пользе гостеприимного отношения царя к иностранцам, и “эта мысль, – писал В.Ф. Ржига, – возведена в нравственную норму для правителя” (Ржига 1934: 68). Она послужила предисловием к просьбе: “Но леть да есть имъ доброхотно приходити имъ и паки невъзбранно отходити, отпущеннымъ съ всякимъ опаствомъ и миромъ, и честию” (л. 277). Максим Грек надеялся, что Московский царь намек поймёт, но реакции государя не последовало. Нет просьбы о возвращении и в Послании Ивану IV, которое сохранилось в Румянцевском сборнике в виде двух списков без названий: лл. 292-294 и лл. 302-304. Максим Грек здесь только просит избавить его от “многолетнего озлобления”, это может означать, что он еще находился в заточении, в Тверском Отроче монастыре. Таким образом, в 1547 г., видимо, еще не существовало формулировки о его ‘непотребности’ пребывания на Руси.

Пришедшие на Русь грамоты александрийского патриарха Иоакима (1545 г.) и константинопольского патриарха Дионисия II (1546 г.), кстати, включенные в состав НПС, с просьбами о прощении инока Максима, “учителя православной веры”, несомненно, инициировали просьбу самого Максима Грека о возвращении на Афон. Наиболее четко она звучит в *Слове к начальствующему на земли* (1551 г.). В конце речи Максим Грек упоминает о своем подарке (видимо, это знаменитые “тетрадки”): “сло-

во, растворено солию, приношу тебѣ, царю православному”. Подношение подарка есть жест, за которым может следовать просьба: “Его же и приемъ, с обычною ти-хостию твоею, въздаруи ми, рабу твоему и богомолцу нищему еже въ Святую Гору възвращение, щедротъ ради Христовыхъ отпусти мене съ миромъ отсюду” (л. 263 об.). Далее Святогорец приводит сильный аргумент: “Ни во что же прочее потре-бенъ азъ богахранимѣи земли Русѣи; его же бо потребоваше отъ мене худаго, полу-чила ужь есть, да получю же и азъ от благовернаго царства твоего, чему желаю” (л. 264). В этом *Слове* просьба звучит с уверенной надеждой на ее исполнение.

Мотив о ‘непотребности’ находим в статье Троицкого собрания¹³, заголовок к ко-торой надписан киноварью на верхнем поле рукописи редактором сборника: “Максима инока Святогорца послание к самодержавному царю Ивану Василиевичу”. Это неболь-шое сочинение целиком посвящено просьбе о возвращении. Автор умоляет: “да благо-изволишь сътворити милость и исцѣлиши многолѣтнюю болѣсть окаянныа души моея, о немже лишень есмь безмълвнаго и спасительнаго еже во Святѣи Горѣ пребываниа, идѣже лѣта го потрудихся телѣснѣи и душевнѣи о уповании, да тамо положатся окаанныа ко-сти моя. Ни въ что же прочее потребен азъ благовѣрному и пресловутому граду Москвѣ, егоже получитьи желаше мною грѣшникомъ, получилъ уже...” (ТСА 200, л. 354 об.).

На фоне приведенных примеров можно заключить, что текст просьбы в списке Slave 123 с повторами о ‘непотребности’ скорее всего мог сложиться на последнем эта-пе редактирования *Слова отвещательного об исправлении книг русских*. Они (повто-ры) могли появиться в результате надиктовывания текста писцу автором, который уже был нездоров, не способен держать перо в руках. В последние годы жизни Мак-сим Грек жаловался на свою немощь, писать ему было “велми притрудно: очесемъ, уже же притупающимся, и руцѣ, частѣ болѣзнующи”¹⁴. Писец протографа Slave 123, вероятно, зафиксировал устную речь автора. Текст просьбы в списках НПС с акцен-том на ‘непотребности’ обусловлен отчаянным состоянием писателя, в нем слышит-ся утрата надежды афонского монаха на возвращение. Исходя из этих наблюдений, имеет смысл предположить, что в редактировании протографа НПС принимал уча-стие книжник Троице-Сергиева монастыря, выполнявший последнюю волю писате-ля. Таким образом, вариант просьбы в Slave 123 со вставками тоже свидетельствует о вторичности его текста по отношению к Иоасафовскому и Хлудовскому собраниям.

Системность новых чтений в Slave 123, усиливающих суггестивность высказы-вания, указывает на редактирование текста, отразившееся в НПС. Так, в *Беседе Души и Ума* следующие дополнения носят характер устойчивых сочетаний в церковной пу-блицистике, которые были хорошо знакомы русским книжникам:

¹³ Это же сочинение сохранилось в Полном собрании (Москва, РГБ, ф. 304, № 201, лл. 587-589).

¹⁴ *Сказание об афонских монастырях*, Москва, РГБ, ф. 256, № 264, лл. 195 об.-199 об. Сочинение сохранилось в единственном списке, не имеет названия, написано по просьбе не-когого “преподобия”.

МДА 42, Хлуд 73	Slave 123
обычай золь утвердивъся многими лѣты (л. 152, с. 159)	обычай золь утвердивъся многими лѣты в душахъ нашихъ
душетлѣнному учению (л. 155 об., с. 162)	душетлѣнному и нечестивому учению (л. 199)
тщася ис корене вытребити злобу их (л. 163, с. 173)	тщася ис корене вытребити душегубительную злобу их
въ всякой премудрости и благочестии (л. 169, с. 173)	въ всякой премудрости и святыни, и благочестии
<i>и др.</i>	

Протографы Иоасафовского и Хлудовского собраний, как показал текстологический анализ, самостоятельны, независимы друг от друга (Журова 2008: 327-329), поэтому представленные в таблице чтения в этих списках восходят к архетипу и не могут быть квалифицированы как пропуски. Небольшие вставки в Slave 123 принадлежат еще одному протографу, в этом права Н.В. Сеницына, но он не относится к этапу, более раннему, чем протографы МДА 42 и Хлуд 73.

Примеры подобного редактирования (с небольшими вставками) можно видеть в авторской правке Максима Грека. Так, в истории текста *Послания некоему иноку о фортуне* видим исправление, сделанное рукой ученого монаха:

МДА 42, Slave 123	Больш 285	Рум 264
мръзкаго подобия лжеименнаго разума (л. 332, л. 563)	богомръзкаго подобия лжеименнаго разума (л. 140, строка 6 св.) <i>буквы бога вписаны над строкой почерком Максима Грека</i>	богомръзкаго подобия лжеименнаго разума (л. 27 об., строка 4 сн.) <i>буквы бога вписаны над строкой почерком Максима Грека</i>

Интенция писателя, наблюдаемая в этой правке, выразилась в усугублении критики астрологического учения. Контекстом служит ряд определений, сопровождающих рассуждения автора: “богомерзское учительство”, “богомерзкая прелесть”.

Примечательны вставки в *Слове начальствующему на земли*, которые сохранились в НПС и Хлудовском собрании. Одна из них разрывает библейскую цитату (выделено курсивом): “по реченному инде: ‘Близъ Господь всѣмъ призывающим истинною, *сирѣчь дѣльнымъ исполнениемъ всехъ святыхъ заповѣдей Его, прилаголетъ бо*: волю боящихся Его сътворит и моление ихъ услышитъ и спасетъ их’” (Пс 144: 18-19). Как правило, комментарии Максим Грек вводил с помощью союза “сирѣчь”. Следующая фраза содержит дополнение в рассуждениях о том, что персидский царь Кир был нечестив и идолопоклонник, но Бог возвысил его за “... кротость и милосердие его к подручником, *ихже ради и отца нарицаху его себе подручницы*”. Новый текст заключает нравственное наставление богослова.

Таким образом, можно сделать вывод: дополнительные чтения в НПС отражают еще один этап редактирования авторского текста, который появился после со-

ставления Иоасафовского и Хлудовского собраний или между ними. О существовании такого этапа в рукописной истории авторских кодексов свидетельствует тот факт, что часть чтений НПС совпадает с текстом Иоасафовского собрания, а другая часть с Хлудовским собранием (примеров тому много).

3. Авторская правка Максима Грека

В рукописной истории сочинений Максима Грека самое яркое, пожалуй, явление – это собственноручная правка текстов, проведенная автором при формировании им избранных трудов. Почти все автографы установлены Н.В. Синицыной (1977: 224, 225, 226, 235, 248). История текстов, сохранивших в прямом смысле слова отпечатки пальцев Максима Грека, дает уникальный материал для текстологии средневекового сочинения. Исследование автографов позволяет определить особенности орфографического, грамматического и стилистического ‘почерка’ писателя, орфоэпического ‘голоса’. Наблюдения над правкой дают возможность ‘видеть’ чтение автором собственного текста.

На основе кодикологического анализа рукописей можно определить время составления собраний, но нельзя настаивать на дате окончания работы автора над своими произведениями, трудно установить время обращений писателя к своему тексту. Автографы Максима Грека свидетельствуют о том, что процесс создания сочинения, может быть, вовсе не был закончен, а только оборвался со смертью богослова. Собственноручная авторская правка текста может ли служить указанием на последнюю волю автора?

Три списка одного и того же сочинения чаще всего имеют несовпадающие примеры авторской правки, т.е. в одном списке Максимом Греком внесены редакционные изменения, в других их нет. Писатель выверял тексты выборочно, и установить какую-либо систему в такой работе пока не удастся. Но можно утверждать, что авторская правка не создала новых редакций сочинений. Число вставок, сделанных непосредственно Максимом Греком, небольшое, и это обстоятельство придает самому факту авторской правки статус особого феномена.

Многие дополнения в тексте *Беседы Души и Ума*, вписанные рукой Максима Грека в МДА 42, сохранились в Slav 123, но остались не известны Хлудовскому кодексу и многим поздним собраниям:

МДА 42, Slav 123	Хлуд 73
Аще бо и дуновением божественным оноумъ вся в немъ, яже о божественномъ и всесвятомъ естествомъ зримымъ ¹⁵ вложилъ есть честныя добродѣтели (л. 152 об.)	Аще бо и дуновениемъ вся в немъ, яже о божественномъ и всесвятомъ естествомъ зримымъ вложилъ есть честныя добродѣтели
плавати по морю (л. 157)	плавати
Съ радостію и страхом да угажаем Господеви (л. 170 об.)	радостію и страхом да угажаем Господеви

¹⁵ Нет в Slav 123.

Показательна история правки *Послания неким честным инокиням* (38 глава Иоасафовского собрания). Так, на нижнем поле рукописи МДА 42 почерком Максима Грека вписана фраза, которая обеспечила переход от авторской речи к библейской цитате (л. 346 об.):

И такову бывшу ми по многу моему безумию и нечювьствию, кто мене окаанѣишыи? Аще убо поистиниѣ желаю избыти страшнаго послѣдняго осуждения, да рѣвную прилѣжно онѣхъ, о нихже поеть Божии пророкъ, глаголя: *“Ходяще, рече, хождааху и плакаху, метаяще съмена своя, грядуще же приидут, съ радостию вземлюще рукояти своя”* (Пс 125: 6).

В списке Больш 285 такой вставки нет, хотя текст *Послания* в этой рукописи Хлудовского собрания правлен рукой Максима Грека. Нет этой вставки и в НПС.

Слово, пространѣ излагающе съ жалостию, нестроения и бесчиния цареи и властелех послѣдняго вѣка сего (26 глава Иоасафовского собрания) содержит правку в списках Хлудовского и Румянцевского собраний. Но она тоже не совпала. Например, в Больш 285 авторская вставка, вписанная на правом поле рукописи, логически замыкает ряд моральных достоинств человека, соблюдающего заповеди Вышняго (л. 6):

...радуящися всякои правдѣ и чловѣколюбию, и кротости, и благости к подручникомъ и всякими добрыми дѣлы украшаемии.

В Румянцевском сборнике, списках Иоасафовского собрания, собрания Ионы Думина такой вставки нет. Нет её в списках НПС. Но она сохранилась в рукописях Рогожского собрания (РГБ, ф. 37, № 16, л. 156 об., РНБ, собр. Погодина, № 1141, л. 273 об.), Торжокской рукописи (ВИЭМ КОФ-1204, л. 221), Троицкого собрания (ТСЛ 200, л. 343). Следовательно, НПС подходит близко к традиции Иоасафовско-Думинской линии, но развивается параллельно ей и направлению Рогожского собрания, по классификации Д.М. Буланина (Буланин, Шашков 1984: 229-232). Об этом свидетельствует текстологический анализ ранних посланий Максима Грека (Журова 2008: 118-136).

4. *Вариативность чтений*

Автотекстуальность литературного наследия Максима Грека во многом определяется вариативностью чтений, наблюдаемой в его сочинениях. Писатель не стремился к унификации своих трудов, не повторялся, каждый раз предлагал иные слова и сочетания, что было обусловлено креативностью его натуры. Автономность вариантов породила независимые отношения между кодексами, сложившимися при жизни автора, и обеспечила параллельность развития рукописной традиции его сочинений, например, Иоасафовско-Думинской линии, Иоасафовско-Рогожской, Хлудовско-Соловецкой, Хлудовско-Троицкой и т.д. Одной из них может быть Нижегородско-Синодальная.

Варианты чтений, как правило, принадлежат автору (Ковтун 1972). Синонимия – характерная примета стиля Максима Грека, её можно наблюдать в списках *Беседы Души и Ума*:

МДА 42, Хлуд 73	Slave 123
Аще бо твердое вѣры съврѣшено имѣл бы, имѣлъ бы убо твердое преспѣяние (л. 153) безчестнаа и безообразнаа (л. 154 об.) пореваемым бывати намѣ къ злым дѣлом (л. 156 об.)	Аще бо твердое вѣры съврѣшено имѣл бы, имѣлъ бы убо и съврѣшенство преспѣяниу безчестнаа и злообразнаа пореваемым бывати намѣ ко всякой злобѣ
плоти же наша иссушаемѣ въздержанием (л. 161)	плоти же наша умучаемѣ въздержанием
непрестаемое любление (л. 162)	непрестаемое желание
зѣло благохитренѣ (л. 163)	зѣло благокозненѣ
не чаяти суд на будущее (л. 163 об.)	не уповати суд на будущее
<i>и др.</i>	

Вариантными чтениями в этом же сочинении отличается и Хлудовское собрание:

МДА 42, Slav 123	Хлуд 73
множество лжеименитых боговъ (л. 155)	множество злоименитых боговъ
всякимѣ чином прелщяа мысли нашеи (л. 163 об.)	всяким образом прельщаа мысли нашаа
<i>и др.</i>	

Яркий пример автотекстуальности в творчестве Максима Грека можно видеть в истории текста *Слова к начальствующему на земли*. В составе сборника Slave 123 содержится два его списка, в Издании обозначенные как Л-1, лл. 607 об.-613 об., и Л-2, лл. 386 об.-392, гл. 64. Список Л-1 не имеет номера главы, находится между главами 100 и 101. Такое местоположение текста в сборнике может указывать на то, что протографе НПС его не было. Видимо, он специально включен в заключительную часть рукописи Slave 123 (113 глав) и оказался среди переводных сочинений Максима Грека. Почерком неосновного писца сделана приписка, отсылающая к Л-2: “Та же все писано въ 64-мъ слове”. Редактора сборника текст Л-1 привлек такой примечательной особенностью, как инскрипт, который позволяет считать этот список близким к первоначальному варианту послания: “Благовѣрнейшему и боголюбивому царю и самодръжцу вся Руси, преславному государю великому князю Ивану Васильевичю нищии твои богомолецъ Максимъ, инокъ изъ Святыя Горы, смѣя не смѣя низко челомъ биеть”.

Этот же внешний адрес в рукописи Троицкого собрания вписан киноварью на нижнем поле (ТСЛ 200, л. 217). Сочинение в ТСЛ 200 представлено тремя списками: первый, основной – это Л-2, второй – с правкой киноварью, третий – правленный бледными чернилами по списку типа Л-1. Официальный заголовок в Slave 123 идентичен МДА 42: *Слово к начальствующему на земли*¹⁶, но в ТСЛ 200 над лексемой “Слово” поставлены знаки глоссы, на поле под теми же знаками киноварью вписано “Послание”; “начальствующему” исправлено на “начальствующимъ”. Киноварная правка сделана по всему тексту *Слова*, так, в конце приписано: “Смѣя не смѣя писах”, этой фразой заканчивается текст Хлуд 73 и Л-1. Другая правка выполнена почерком неосновного писца очень бледными чернилами. Практически все особые чтения Л-1 вписаны в ТСЛ 200:

МДА 42, Л-2, ТСЛ 200	Хлуд 73, Л-1	ТСЛ 200 (правка)
всемогушею Десницею покрываеми (л. 258 об.)	всемогушею Десницею Вышняго покрываеми	<i>слово</i> Вышняго <i>вписано над строкой</i> (л. 217 об.)
о благовѣрнейшыи царю (л. 260)	о благовѣрнейшыи царю самодержец	<i>слово</i> самодержец <i>вписано над строкой</i> (л. 219)
посла къ българскому князю Михаилу (л. 260 об.)	посла къ българскому царю Михаилу	<i>слово</i> царю <i>вписано со знаком замены на поле</i> (л. 219)
слово растворено солию (л. 263 об.)	слово наслажено солию	<i>слово</i> наслажено <i>вписано на поле со знаком замены</i> (л. 221)
<i>и др.</i>		

Таким образом, совершенно очевидно, что троицкие книжники имели в своем распоряжении несколько списков *Слова*, один из которых идентичен Л-2, другой, имеет признаки оригинальных чтений, коррелируется с Л-1. Безусловно, в книжной мастерской Троице-Сергиева монастыря был архив Максима Грека, и писцы имели возможность им свободно пользоваться.

5. *Некоторые замечания о грамматике*

В редактировании сочинений Максима Грека можно наблюдать грамматические изменения. Так, в той же *Беседе Души и Ума* повествование в списке Slave 123 переведено с третьего лица множественного числа на первое:

¹⁶ В Хлудовском собрании видим еще один вариант заголовка: *Слово к началствующему в Руси*. Замена чтения (“в Руси” вместо “на земли”) подчеркивает авторскую интенцию – обращение писателя к русскому самодержцу.

МДА 42, Хлуд 73

Slave 123

Губительную же сию по земли валяемую¹⁷ славу, всюю душею желающе, ея же убо получающе, зѣло лють грѣдѣють и превъзносятся, якоже кедри ливаньстии, а погрѣшающе еа, зѣло уязвляются печялами въ сердце (л. 153 об.)

Губительную же сию по земли валяемую славу, всюю душею желающе, еяже убо получающе, зѣло лють разгрѣдем и превозносимся, же кедри ливаньстии, а погрѣшающе еа, зѣло уязвляемся печялами въ сердце

Форма первого лица множественного числа (“разгрѣдем и превозносимся... уязвляемся”) придает речи тональность сопричастности, доверительности, единения автора и читателя, со-покаяния. Предикат в третьем лице служит для выражения объективности позиции писателя.

Подобные примеры видим в двух списках *Слова к начальствующему на земли*, которые находятся в составе Slave 123. Так, в Л-2, ТСЛ 200 читаем: “безпрестани печемся и всюю душею тщимся достигнути край”, в Л-1, МДА 42, Хлуд 73: “безпрестани печется и всюю душею тщится достигнути край” (л. 259).

О первичности той или иной конструкции в писательской практике Максима Грека можно судить по авторской правке. Пример находим в *Словесах против Иоанна Людовика Вивеса* (72 глава Хлудовского собрания), где множественное число глагола заменяется на единственное, что усиливает адресность обвинения толковнику книги святого Августина *De Civitate Dei*. Глагол “дръзаете”, читающийся в Румянцевском сборнике, исправлен автором в списке Хлудовского собрания на глагол “дръзаеши” в следующей фразе: “Како убо паки дръзаеши глаголати” (Больш 285, л. 306, строка 9 св.). Таким образом, в развитии авторской интенции наблюдаем тенденцию к личностной персонализации обращений.

Особенностью грамматики списков НПС стала замена аориста на Л-причастие. Например, в *Сказании о крестном знаменнии* в МДА 42 видим: “порази”, “потопи”, “предобрази”, в Slave 123: “поразил”, “потопил”, “предобразил”. Признаком первоначального варианта в писаниях Максима Грека считается аорист, на это, например, указывает авторская правка в списке МДА 138: на левом поле рукописи со знаком вставки почерком Святогорца вписаны слова во фразу: “жезлом своим прямо порази Чръное море” (МДА 138, л. 204 об.). Но в процессе редактирования собственных текстов писатель переходил на другие формы предиката. Примеры тому находим в истории текстов нескольких сочинений, например, в 22-й главе Иоасафовского собрания *Сложение вкратцѣ о бывшем пожаре тферскомѣ* глагол “преукраси”, который читается во всех трех прижизненных списках, в МДА 42 исправлен: “преукрасил вышше силы божественную церковь образы предобрыми”, буква “л” вписана над строкой почерком Максима Грека (л. 250). В Slave 123 появилось новое чтение – “преукрасивыи” (Бычкова и др. 2009: 356), которое, видимо, носит вторичный характер. Таким образом, грамматические формы в Slave 123 тоже указывают на процесс редактирования текста протографа НПС.

¹⁷ влачимую в *Хлуд 73* (валяти – ‘катиться’, влачити – ‘тащить’).

Итак, Нижегородско-Парижское собрание, несомненно, представляет ещё одну параллель в развитии рукописной традиции сочинений Максима Грека наряду с линиями Иоасафовско-Думинской, Иоасафовско-Рогожской, Хлудовско-Соловецкой, Хлудовско-Троицкой и др. На основании анализа функций 'лишних' глосс, вставок, вариативности чтений, изменений грамматических форм можно видеть, как шло редактирование текста многих глав собрания. Этот процесс отражает вторичную природу текста НПС, потому рукопись Slave 123 не может быть 'контрольной' по отношению к Иоасафовскому и Хлудовскому собраниям, основные списки которых сохранили правку рукой автора. Можно полагать, что протограф НПС мог быть сформирован в Троице-Сергиевом монастыре в самые последние годы жизни Максима Грека. Трудно согласиться с предположением Н.В. Синицыной о связи архетипа НПС с Чудовым монастырем (Синицына 2014: 350), поскольку нет доказательств нахождения там архива писателя. Как хорошо известно, Москву Святогорец вынужден был покинуть в 1525 г., большинство сочинений, вошедших в состав НПС, написаны в 40–50-е гг. XVI в. Хронологически складывание собрания может пересекаться со временем работы книжников Троице-Сергиевой обители в 50-е гг. XVI в. над первым Азбуковником. Примечательной особенностью истории текста Нижегородско-Парижского собрания является его корреляции как с Иоасафовским, так и с Хлудовским кодексами. Такое положение подтверждает ранний вывод Н.В. Синицыной о параллельном характере развития рукописной традиции сводов, но не доказывает первоначальную природу собрания в 113 глав. Как показал текстологический анализ ранних посланий Максима Грека, НПС входит в группу таких собраний конца XVI в., как Рогожское, представляющее одно из важных и пока не изученных предприятий русских книжников. Вероятно, синтагматические отношения между собраниями могут быть скорректированы парадигматическими связями. Дальнейшее исследование рукописной традиции обширного наследия Максима Грека поможет определить место и роль Нижегородско-Парижского собрания в книжной культуре русского Средневековья.

Сокращения

ВИЭМ КОФ:	Всероссийский историко-этнографический музей, книжный основной фонд (г. Торжок)
ГИМ:	Государственный Исторический Музей (г. Москва)
ГПНТБ СО РАН, ОР:	Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской Академии наук, Отдел рукописей (г. Новосибирск)
РГИА:	Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)
РГБ:	Российская государственная библиотека (г. Москва)

РНБ: Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург)
ТОДРА: Труды Отдела древнерусской литературы

Литература

- Буланин, Шашков 1984: Д.М. Буланин, А.Т. Шашков, *Описание собраний сочинений Максима Грека*, в: *Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты*, Ленинград 1984, с. 220-251.
- Бычкова и др. 2009: М.Е. Бычкова, Л.П. Найденова, А. Лангелер (сост.), *Произведения Максима Грека. Рукопись из Славянского собрания Парижской национальной библиотеки*, Москва 2009.
- Гардзанити 2019: М. Гардзанити, *Глоссы сборника Максима Грека в Национальной Библиотеке Франции: между лексикографией и экзегезой*, "Вестник Московского университета. Серия 9. Филология", 2019, 4, с. 202-212.
- Журова 2008: Л.И. Журова, *Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции*, I, Новосибирск 2008.
- Иванов 1969: А.И. Иванов, *Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография*, Ленинград 1969.
- Ковтун 1972: Л.С. Ковтун, *О стиле Максима Грека (отбор лексических средств)*, в: *Русская историческая лексикология и лексикография*, I, Ленинград 1972, с. 21-47.
- Ковтун 1977: Л.С. Ковтун, *Древние словари как источник русской исторической лексикологии*, Ленинград 1977.
- Ковтун 1988: Л.С. Ковтун, *Азбуковники*, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, II/1, Ленинград 1988, с. 10-20.
- Крутецкий 2006: В.Ю. Крутецкий, *Максим Грек и русская культура последней четверти XVI века*, автореферат диссертации кандидата исторических наук, Ярославль 2006.
- Ржига 1934: В.Ф. Ржига, *Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист*, "Труды Отдела Древнерусской Литературы", I, 1934, с. 5-120.
- Синицына 1977: Н.В. Синицына, *Максим Грек в России*, Москва 1977.
- Синицына 2008: Преподобный Максим Грек, *Сочинения*, I, отв. ред. Н.В. Синицына, Москва 2008.
- Синицына 2014: Преподобный Максим Грек, *Сочинения*, II, отв. ред. Н.В. Синицына, Москва 2014.

Срезневский 1989: И.И. Срезневский, *Словарь древнерусского языка*, I-III, Москва 1989.

Abstract

Ludmila Ivanovna Zhurova

On the Textual History of Maximus the Greek's Collected Works (Paris, Man. Slave № 123)

The late 16th-century manuscript containing Maximus the Greek's collected works, nowadays held in the National Library of France (Paris. Man. Slave 123), has attracted the attention of many contemporary scholars (A. Langelier, I. Ševčenko, M. Garzaniti, N. Sinicyna), who have studied its history as well as its text (in particular its glosses). In the introduction to the second volume of Maximus the Greek's Works (2014), Sinicyna suggests that the archetype of this collection (the so-called Nižnij Novgorod-Paris Collection) should be considered primary in comparison to the Ioasaf and Chludov Collections. However, By means of thorough textological analysis of single works, the present article aims to challenge the conclusions of the main expert regarding Maxim the Greek's textual heritage and to accurately place the Nižnij Novgorod-Paris Collection within the textual tradition. Through the analysis of glosses, insertions, and textual and grammatical variants, this article demonstrates how the process of redaction actually proceeded, leading us to a preliminary conclusion about the secondary nature of the text of the Nižnij Novgorod-Paris Collection if compared to its closest counterparts. Most likely, its protograph was compiled in the Trinity Monastery of S. Sergius during Maximus' last years. A peculiarity of the textual history of the Nižnij Novgorod-Paris Collection is its correlation with the Ioasaf as well as with the Chludov manuscripts. This confirms Sinicyna's intuition about the parallel development of the various collections, but does not demonstrate the primary character of the collection in 113 chapters. It is also important to define the place of the Nižnij Novgorod-Paris Collection within the range of late 16th-century collections: textological analysis of the first missives of Maximus show that the Nižnij Novgorod-Paris Collection is part of a larger group of manuscripts, such as the Rogožskoe Collection, which represents one of the main projects of 16th-century Russian scriptoria, but have nonetheless remained almost unstudied. It is likely the syntagmatic correlations between collections can be corrected by means of paradigmatic relationships.

Keywords

Maximus the Greek; Textual Tradition; Nižnij Novgorod-Paris Collection; Textual Criticism; Glossary; Author's Corrections.